

Л. Стефани

**Нимб и лучезарный венец в произведениях
древнего искусства**

**Приложение к 4 тому Записок имп. академии наук
№1**

УДК 304
ББК 60.5
Л11

Л11 **Л. Стефани**
Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства: Приложение к 4 тому Записок имп. академии наук №1 / Л. Стефани – М.: Книга по Требованию, 2021. – 210 с.

ISBN 978-5-4241-6242-8

ISBN 978-5-4241-6242-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

латъ такія заключенія, то нельзя отказаться и отъ вышеуказанной крайности легкомысленнаго способа объясненія. Одно связано съ другимъ неразрывно.

Но на какомъ основаніи думаютъ, что нимбъ и лучезарный вѣнецъ были у древнихъ исключительными атрибутами божествъ, олицетворявшихъ небесныя свѣтила? Не смотря на то, что ученые съ большимъ упорствомъ держатся этого предположенія, и что объ этомъ предметѣ было писано очень много, мы напрасно стали бы искать какихъ либо положительныхъ указаній и доводовъ въ пользу этого мнѣнія. Оно прямо принадлежитъ къ числу напередъ - заготовленныхъ предположеній, съ которыхъ привыкли издавна начинать объясненіе и которыхъ держатся потому только, что они когда-то были приняты — держатся вопреки постепенному приращенію противорѣчащихъ фактовъ, и допуская натяжки, какія во всякомъ другомъ случаѣ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ были бы признаны непозволительными. Истина откроется сама собою, если мы представимъ въ общемъ очеркѣ все, что говорятъ древніе писатели и памятники искусствъ относительно этого предмета.

Припомнимъ прежде всего, что древніе, представляя боговъ въ человѣческомъ образѣ, не только старались возводить на самую высшую степень физическія и нравственныя свойства человѣка, но придавали имъ, по аналогіи нѣкоторыхъ явленій чувственного міра, и нѣчто невозможное для человѣка, напр. хожденіе по воздуху и т. п. Такимъ образомъ, съ одной стороны, они считали высокую степень красоты физической совершенно сообразною въ величіемъ и достоинствомъ боговъ, съ другой — они предполагали, что тѣло cadaго изъ нихъ непремѣнно окружено ослѣпительнымъ блескомъ, совершенно чуждымъ человѣческой природѣ. Въ этомъ-то блескѣ и заключалось, по ихъ мнѣнію, существенное отличіе божеской природы отъ человѣческой.

Можетъ быть, что на эту мысль наводило древнихъ и то обстоятельство, что они считали эфиръ, т. е. высшій воздухъ, находящійся надъ атмосферою¹⁾, обыкновеннымъ мѣстопребы-

1) Cic. De natura Deor. II, 40: *Restat ultimus et a domiciliis nostris altissimus*
1*

ваниемъ боговъ. Этотъ эфиръ, по всеобщему мнѣнію древнихъ, былъ огненный и свѣтло-блестящій¹⁾; и хотя онъ составлялъ собственно принадлежность Юпитера²⁾, все-же, Олимпъ³⁾, мѣстопробываніе всѣхъ боговъ⁴⁾, наземныхъ и подземныхъ, воображеніе древнихъ представляло простирающимся въ эфирѣ⁵⁾, такъ что это слово, какъ собирательное имя, въ позднѣйшія времена употреблялось въ значеніи божественнаго міроуправленія⁶⁾.

Но какъ бы то ни было, древніе, съ самыхъ раннихъ временъ и до позднѣйшихъ, были твердо убѣждены въ томъ, что

omnia cingens et coercens coeli complexus, qui idem aether vocatur, extrema ora et determinatio mundi.

1) Aristoph.: Nubes 285.

Ἴμμα γὰρ αἰθέρος ἀκάματον σέλαγεται
μαρμαραίας ἐν αὐγαῖς.

Lucret.: De nat. rer. V. 499:

Inde mare, inde aër, inde aether ignifer ipse.

Cic.: de nat. Deor. II, 36. *Hunc rursus amplectitur immensus aether, qui constat ex altissimis ignibus.* Ib. 45. *Quem complexa summa pars coeli, qui aether dicitur et suum retinet ardorem tenuem et nulla admixtione concretum et cum aëris extremitate conjungitur.*

Steph. Byzant. Αἰθήρ, ὁ ὑπὲρ τὸν ἀέρα πεπυρωμένος τόπος.

Cornut.: De nat. Deor. 20. Κορυφή δὲ θεῶν, κατὰ τὸν Εὐρωπαϊκὸν, ὁ περὶ χεῖρ' ἔχων φαεινὸς αἰθήρ.

2) Aristoph.: Thesmoph. 272.

ἄμνημι τείνου αἰθέρ' οἴκησιν Δίος.

Aristoph.: Ran. 100.

Αἰθέρα Διὸς δωμάτιον.

Virgil. Aen. XII, 140.

hunc illi rex aetheris altus honorem

Juppiter erepta pro virginitate sacravit.

Cic. de nat. Deor. I, 15. *Idemque (Chrysippus) disputat aethera esse eum, quem homines Jovem appellarent.* Ib. II, 2. *Quod ni ita esset, qui potuisset assensu omnium dicere Ennius:*

Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Jovem.

3) Hom.: II. XV, 192.

Ζεὺς δ' ἔλαχ' οὐρανὸν εὐρὺν ἐν αἰθέρι καὶ νεφέλῃσιν,
γαῖα δ' ἔτι ξυνή πάντων, καὶ μακρὸς Ὀλυμπος.

4) Martial: Epigr. IX, 3, 3.

Grandis in aethereo licet auctio fiat Olympo.

5) Claudian: De VI. Cons. Hon. 352.

*sed providus aether
noluit humano titulos auferre labori.*

Claudian: Rapt. Proserp. III, 201.

Phlegra nobis infensor aether.

Сравни также пятый Орфическій гимнъ.

тѣла всѣхъ боговъ, если они намѣренно не стараются скрыть свою божественную природу, окружены сверхъестественнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Одно изъ древнѣйшихъ и яснѣйшихъ указаній объ этомъ предметѣ находится въ гимнѣ Гомера къ Димитрѣ (стих. 188), гдѣ объ этой богинѣ говорится:

ἡ δ' ἄρ' ἐπ' οὐδὸν ἔβη ποσί, καί ῥα μελάϊστρον
κῦρε κάρη, πλῆσεν δὲ θυράς σέλαος θείοιο.

Никому не придетъ въ голову сдѣлать Димитру божествомъ свѣта. Кромѣ того поэтъ, прибавляя слово θεῖον, весьма ясно обозначаетъ, что свѣтъ, о которомъ онъ говоритъ, есть нѣчто такое, что принадлежитъ всѣмъ богамъ вообще, а не одному какому нибудь классу божествъ, въ слѣдствіе ихъ особенной природы.

Точно также нѣтъ никакой двусмысленности въ томъ вопросѣ, который у Эврипида (Ion, 1549 и слѣд. ed. Nauck) дѣлаетъ Ionъ.

ἔα· τίς οἴκων θυοδόκων ὑπερτελής
ἀντήλιον πρόσωπον ἐκφαίνει θεῶν;

Божество, о которомъ онъ говоритъ, есть Афина. Но форма вопроса достаточно показываетъ, что свѣтъ, подобный солнечному, озаряющій лицо, принадлежитъ божеству. Изъ этого вопроса нельзя вывести заключенія ни о природѣ божества, ни о его имени.

У Виргилія (Aen. II, 588 и сл.), Эней говоритъ о Венерѣ:

*Talia jactabam et furiata mente ferebar,
Quum mihi se, non ante oculis tam clara, videndam
Obtulit, et pura per noctem in luce refulsit
Alma parens, confessa deam, qualisque videri
Coelicolis et quanta solet.*

Сервій, дѣлая примѣчанія къ этому мѣсту, говоритъ: «*In luce; in nimbo, qui cum numinibus semper est*». Для насъ особенно важно то, что Виргилій прибавилъ еще слова: *confessa deam* и такимъ образомъ ясно показалъ, что Венера этимъ сверхъестественнымъ свѣтомъ дала о себѣ знать, что она божество, а не то, что она Венера. Слѣд. изъ его словъ можно вывести заключеніе, что этотъ свѣтъ составлялъ нѣкоторымъ образомъ существенную принадлежность всѣхъ боговъ.

Вскорѣ послѣ этого у того-же самаго писателя (Аен. II, 615 и сл.) мы находимъ слѣдующія слова:

*Jam summas arcis Tritonia, respice, Pallas
Insedit, nimbo effulgens et Gorgone saeva,*

Сервій дѣлаетъ такое примѣчаніе къ этому мѣсту: «*Nimbo effulgens; nube divina. Est enim fulgidum lumen, quo deorum capita cinguntur; sic etiam pingi solet*». Тѣмъ страннѣе кажется примѣчаніе Гейне къ этому-же мѣсту: «*Nimbus, qui de obscura fere vel atra nube dicitur, h. l. de candida et lucida nube accipiendus esse videtur*»; а далѣе сейчасъ же прибавляетъ: «*De nimbo capita deorum ambiente in poeta nostro cogitare non licet*». Что же такое «*nimbus capita deorum ambiens*» какъ не «*candida et lucida nubes?*» Что же такое должно значить это второе примѣчаніе? Хотѣлъ ли Гейне этимъ сказать, что даже со временъ Virgilia существовало мнѣніе, что этотъ облакоподобный свѣтъ окружалъ не только головы боговъ, но и все ихъ тѣло? Многочисленные примѣры свидѣтельствуютъ противное. Или, быть можетъ, это — только грамматическое замѣчаніе, и Гейне этими словами хотѣлъ только сказать, что слово «*nimbus*» въ смыслѣ лучезарнаго сіянія, окружающаго боговъ, во времена Virgilia употреблялось тогда, когда представляли, что оно окружаетъ все тѣло, а не головы только боговъ? Какъ бы то ни было, только эта попытка насиловать смыслъ словъ автора послужила для позднѣйшихъ комментаторовъ не только примѣромъ для подражанія, но они наперерывъ вносили ее въ свои примѣчанія къ Virgilio. Фрейндъ въ своемъ лексиконѣ совершенно вѣрно повялъ это мѣсто.

Въ другомъ мѣстѣ Virgilio (Аен. V, 835 и сл.) говоритъ:

*Jamque fere mediam coeli nox humida metam
Contigerat; placida laxarant membra quiete
Sub remis fusi per dura sedilia nautae,
Quum levis aetheriis delapsus Somnus ab astris
Aëra dimovit tenebrosam et dispulit umbras,
Te, Palinure, petens, tibi somnia tristia portans
Insonti.*

Сервій совершенно справедливо на это замѣчаетъ: «*Dispulit*

umbras; nam semper deos ambit nimbus». Кому же придется въ голову бога сна принимать за божество свѣта?

Особенно интересно одно мѣсто у Юлія Валерія¹⁾; такъ какъ оно очень немногимъ извѣстно, то мы, не смотря на длину, приведемъ его здѣсь въ томъ видѣ, какъ передалъ его Маи: «*Ubi igitur ad id loci Alexander venit, quas Candaulus ei Deorum domus esse confessus est, et sperat posse illic sibi cum Diis immortalibus verba ex praesentium copia opinari; sacrificatus ibidem convivatusque adhibet etiam ex comitibus quam paucissimos. Interea intervenire quasdam effigies videt tenui quidem, sed corusco sub lumine, ut si conventu nebuloso vera primum occurrentium confundantur; tum etiam circumstantia tecta undique consplendescere; et cum his una crescit turba formarum et murmur praesentium usurpatur et fit prorsus unum Diis hominibusque convivium. Hic cum animo confusus reverentia debita Alexander trepidaret (quippe intuenti videri jam clarius erat flammam quasdam ex oculis Deorum discumbentium promicantes, prodique effigies quas haud dubie divinas esse vel brutissimus sentiat), unus ergo tandem ex his: Hae, inquit, Alexander mi Tum audacior rex ingressus sacri loci paenita, majestatis effigiem videt et fulgore aetherei nitentem. Enimvero sedentarium talemque prorsus, qualem apud Rhacotin adoratum a sese summum Deum praesidem Serapim meminisset*».

У Валерія Флакка (Argon. V, 183) мы находимъ слѣдующія слова:

*Simul aethere plena corusco
Pallas et alipedum Juno juga sistit equorum.*

Но Сервій, помня объ этомъ вѣрованіи древнихъ, повторяетъ его и тамъ, гдѣ Виргилій о немъ не упоминаетъ. Такимъ образомъ онъ говоритъ: «*Nunc theologiam rationem sequitur, quae asserit flammam quos cernimus tractus, nimbum esse descendens numinis*» (на Aen. II, 694); въ другомъ мѣстѣ: «*Proprie nimbus est, qui deorum vel imperantium capita quasi clara nebula ambire fingitur*» (на Aen. III, 585); въ

1) Res gestae Alexandri Macedonis, III, 66 — 68.

третьемъ мѣстѣ: «*Quod nisi esset, splendorem acciperemus, qui est circa corpus deorum*» (на Аен. X, 634).

Наконецъ здѣсь можно привести слова Исидора (Orig. XIX, 31, 2), хотя онъ говоритъ только о перенесеніи нимба на христіанскія изображенія: «*Nimbus est fasciola transversa ex auro assuta in linteo, quod est in fronte feminarum. Plautus:*

Quo magis eam aspicio, tam magis nimbata est.

Nam et lumen, quod circa angelorum capita pingitur, nimbus vocatur, licet et nimbus sit densitas nubis».

Гораздо больше можно найти у писателей такихъ мѣсть, которыя указываютъ на это вѣрованіе древнихъ, не высказывая его такъ опредѣленно, какъ вышеприведенныя мѣста. Одно изъ интереснѣйшихъ указаній этого рода находится въ Гимнѣ Гомера къ Афродитѣ (стих. 173 и слѣд.):

Ἑσσαμένη δ'εὖ πάντα περὶ χροῖ διὰ θεῶν
ἔστη παρ' κλισίῃ· εὐποιήτου δὲ μελάϊσρου
κύρε κάρη· κάλλος δὲ παρειῶν ἀπέλαμπεν
ἄμβροτον, οἷόν τ' ἐστὶν εὐστεφάνου Κυθερείης·
ἐξ ὕπνου δ' ἀνέγειρεν, ἔπος τ' ἔφατ', ἔκ τ' ὀνόμαζεν.

Ὅρσοο, Δαρδανίδη· τί νυ νήγερτον ὕπνον ἰαύεις;
καὶ φράσαι, εἴ τι ὁμοίῃ ἐγὼν ἰνδάλλομαι εἶναι,
οἴην δὴ με τὸ πρῶτον ἐν ὀφθαλμοῖσι νόησας.

Ὡς φάσ'· ὁ δ' ἐξ ὕπνοιο μάλ' ἐμπαπέως ὑπάκουσεν·
ὡς δὲ ἶδεν δειρήν τε καὶ ὄμματα καλ' Ἀφροδίτης,
τάρβησέν τε καὶ ὄσσε παρακλιδὸν ἔτραπεν ἄλλη·
ἄψ δ' αὐτίς χλαίνη τ' ἐκαλύψατο καλὰ πρόσωπα,
καί μιν λισσόμενος ἔπεα πτερόεντα προσηύδα.

Анхизъ только потому скоро опять отвелъ свои взоры отъ богини, что на этотъ разъ она явилась ему въ неуменьшемъ, совершенномъ божественномъ свѣтѣ, созерцать который, по мнѣнію древнихъ, для всякаго смертнаго было пагубно. Поэтому-то у Эврипида Ионъ къ вышеприведеннымъ словамъ тотчасъ прибавляетъ:

φεύγωμεν, ὦ τεχοῦσα, μὴ τὰ δαιμόνων
ὄρωμεν, εἰ μὴ καιρός ἐστ' ἡμᾶς ὄραν.

Поэтому боги имѣли обыкновеніе, какъ это мы видимъ изъ многочисленныхъ мѣстъ у древнихъ писателей, начиная съ Гомера, покрываться облакомъ или перемѣнять свой собственный видъ на другой, когда хотѣли предстать глазамъ смертныхъ. Такимъ образомъ Виргилій, въ одномъ изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, прибавкою словъ:

*qualisque videri
Coelicolis et quanta solet,*

указываетъ на это обстоятельство въ особенности потому, что здѣсь Венера явилась Энею въ своемъ естественномъ, насколько неуменьшемъ блескѣ. Въ такомъ-же смыслѣ говорить Гомеръ (II. XX, 131):

χαλεποὶ δὲ θεοὶ φαίνεσθαι ἐναργεῖς,

и въ другомъ мѣстѣ (Od. XVI, 161):

οὐ γὰρ πῶ πάντεσσι θεοὶ φαίνονται ἐναργεῖς.

Изъ этого общаго представленія, безъ сомнѣнія, произошло ближайшимъ образомъ сказаніе о Семелѣ, хотя до насъ дошедшія слова древнихъ говорятъ собственно о громахъ и молніяхъ Юпитера; то обстоятельство, что боги, желая различнымъ образомъ избѣжать взора смертныхъ, часто узнавались по неестественному блеску глазъ¹⁾; объясняется тѣмъ, что блескъ этотъ, исходящій изъ тѣла, именно изъ головы, менѣе всего могъ быть скрытъ въ глазахъ. Если мы сличимъ съ только-что приведенными словами Гомерова гимна къ Афродитѣ:

κάλλος δὲ περιείων ἀπέλαμπεν
ἄμβροτον,

и съ вышеприведенными словами Виргилія, которыя относятся къ той же богинѣ:

1) Hom.: II. I, 199.

αὐτίκα δ' ἔγνω

Παλλάδ' Ἀθηναίην δεινὰ δέ οἱ ἔσσε φάανθεν.

Hom.: II. III, 396.

καὶ β' ὡς οὖν ἐνόησε θεᾶς περικαλλέα δειρῆν,
στήθεά τ' ἱμερόεντα καὶ ὄμματα μαρμαίροντα.

Virg. Aen. V, 647.

*Divini signa decoris
Ardentisque notate oculos.*

pura per noctem refulsit,

то, что Виргилій-же въ другомъ мѣстѣ (Aen. I, 402) говоритъ объ Афродитѣ:

et avertens rosea cervice refulsit;

и то, что Гомеръ (Iliad. XIV, 183. Ср. Od. XVIII, 298) говоритъ о подвѣскахъ Геры:

χάρις δ' ἀπέλαμπετο πολλή,

и о ея покрывалѣ (Iliad. XIV, 185. Ср. II. VI, 295. Od. XV, 108):

λευκὸν δ' ἦν, ἥλιος ὤς,

и другія этимъ подобныя выраженія, то увидимъ, что здѣсь дѣло идетъ не просто о поэтическихъ оборотахъ и выраженіяхъ, а о томъ сверхъ-естественномъ блескѣ, который, по понятіямъ древнихъ, озарялъ тѣло, украшенія, оружіе и одежду боговъ.

Безъ сомнѣнія остаются нѣкоторыя другія мѣста, съ которыми не такъ легко сладить, или отъ которыхъ надобно отказаться, не смотря на то, что они толкователями принимаются въ этомъ смыслѣ. Прежде всего въ этомъ случаѣ надобно назвать извѣстное мѣсто изъ Горация (Od. I, 2, 30):

*Tandem venias, precamur,
Nube candentes humeros amictus
Augur Apollo.*

Объясняя это мѣсто, обыкновенно говорятъ, что поэтъ проситъ Аполлона низойти на землю въ темномъ облакѣ, для того, чтобы созерцаніе божества въ его полномъ величіи не было вредно для взора смертныхъ ¹⁾. Такая предусмотрительность со стороны поэта, признаюсь, мнѣ кажется нѣсколько странною и тѣмъ болѣе невѣроятною, что она не соблюдена при обращеніи къ другимъ богамъ, которые называются вслѣдъ за Аполлономъ. Это скорѣе выраженіе, обрисовывающее величіе божества, если подъ словомъ *nubes* понимать не темное облако, покрывающее бога, но подобный облаку блескъ, составляющій исключи-

1) Выраженіе: *mutata figura*, сказанное (ст. 41) о Меркурии, очевидно имѣетъ не такой смыслъ, а имѣетъ цѣлю похвалить Августу, отождествляя этого императора съ Меркуріемъ.

тельную принадлежность божества. Подобное же затрудненіе встрѣчается при объясненіи одного мѣста изъ Виргилія (Aen. IX, 107 и слѣд.):

*Ergo aderat promissa dies, et tempora Parcae
Debita complebant, quum Turni injuria Matrem
Admonuit ratibus sacris depellere taedas.
Hic primum nova lux oculis offulsit, et ingens
Visus ab Aurora coelum transcurrere nimbus,
Idaeique chori.*

Сервій дѣлаетъ здѣсь такое замѣчаніе: *Nova lux; hoc est repentina, i. e. nimbus deorum, quod ipse paulo post dicit; и Nimbus; lumen, quod capita deorum ambit, ut saepe dixi.* При объясненіи этого мѣста, Гейне не соглашается съ этимъ замѣчаніемъ, не смотря на то, что самъ-же допускаетъ такое пониманіе дѣла въ другомъ мѣстѣ. Мы напротивъ сомнѣваемся, чтобы слова того же поэта (Aen. IV, 358):

*Ipsa deum manifesto in lumine vidi
Intrantem muros,*

относились къ неестественному блеску божественнаго тѣла. Непосредственно предъ этимъ, Эней разсказалъ, что ему во мракѣ ночи во свѣѣ явился Анхизъ; здѣсь поэтому онъ ничего другаго не хочетъ сказать, какъ только то, что онъ самъ видѣлъ Меркурія при полномъ дневномъ свѣтѣ. Кажется, и Сервій такъ понимаетъ эти слова, говоря: *lumine; non in tenebris, non per quietem и: manifesto in lumine; aut claro aut in nimbo, cujus majus est lumen.* Гейне однако, въ тринадцатомъ Экскурсу къ первой книгѣ Энеиды, приводитъ это мѣсто въ доказательство того, что боги были окружены особеннымъ сіяніемъ свѣта. Также въ другомъ мѣстѣ Виргилія (Aen. III, 148 и слѣд.):

*Phrygiique Penates
Quos tecum a Troja, mediisque ex ignibus urbis
Extuleram, visi ante oculos adstare jacentis
In somnis, multo manifesti lumine, qua se
Plena per insertas fundebat luna fenestras,*

кажется, вовсе дѣло идетъ не о свѣтѣ, исходящемъ отъ Пена-

товъ, хотя Сервій здѣсь замѣчаетъ: *multo lumine; cum nimbo suo, qui circa deos solet videri.*

Какъ бы однако ни толковали подобныя мѣста, послѣ всего сказаннаго остается несомнѣннымъ, что, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до самыхъ позднѣйшихъ, существеннымъ свойствомъ всякаго божественнаго тѣла считалось то, что оно было окружено неестественнымъ, ослѣпительнымъ блескомъ; слѣдовательно, этотъ блескъ никоимъ образомъ не могъ быть исключительнымъ атрибутомъ какого-нибудь особеннаго класса божествъ. Послѣ всего этого, какъ могли бы художники, даже на минуту, представить существенное свойство божества вообще, вопреки народному представлению, исключительнымъ свойствомъ звѣздныхъ божествъ? Они этого никогда не дѣлали: это ясно изъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ начали обозначать посредствомъ нимба, лучезарнаго вѣнца и лучезарнаго круга, свѣтъ, окружающій боговъ, они дѣлали это при изображеніи какъ звѣздныхъ божествъ, такъ и незвѣздныхъ. Такимъ образомъ, экзегетика въ этихъ атрибутахъ не должна видѣть ничего другаго, кромѣ указанія на сіяніе, свойственное божественной природѣ вообще; если же, кромѣ того, еще особенное свойство изображаемаго божества заставляетъ придавать особенный вѣсъ этому сіянію, то, конечно, экзегетика не должна упускать изъ виду и этого обстоятельства. При изображеніи звѣздныхъ божествъ, поводъ къ особенному обозначенію свѣта находится въ блескѣ небесныхъ свѣтилъ, которыхъ они представители; при изображеніи другихъ божествъ, этотъ поводъ можетъ находиться въ чемъ-нибудь другомъ; при изображеніи третьихъ — этого повода вовсе нѣтъ. Какъ же можно заключать о какомъ-нибудь божествѣ, что оно первоначально было звѣздное, потому только, что художнику вздумалось одинъ, или два раза изобразить его съ нимбомъ, или лучезарнымъ вѣнцомъ, когда нѣтъ на то другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній? По какому праву неизвѣстное изображеніе мы отнесемъ къ звѣзднымъ божествамъ, не имѣя рѣшительно никакого основанія, кромѣ того, что художнику вздумалось снабдить его нимбомъ, или лучезарнымъ вѣнцомъ? Между тѣмъ такой способъ объясненія во всеобщемъ употребленіи между нынѣшними изслѣдователями древняго искусства и